

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.10

Теневые доходы «подпольных богатых» в БАССР периода хрущевских реформ

© Р. А. Хазиев^{1*}, М. А. Хазиева²

¹Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

²Башкирский институт физической культуры

Россия, Республика Башкортостан, 450077 г. Уфа, улица Коммунистическая, 67.

*Email: khazievra@mail.ru

В статье в разрезе одного из ведущих хозяйственных регионов страны – БАССР, рассматриваются проявления теневой наживы, начавшейся распространяться в условиях хрущевской десталинизации социалистического государства. Утверждение «второй экономики» в период «хрущевской оттепели» позволяет констатировать, что в середине 1950-х гг. закладывались механизмы, начавшие если не определять, то оказывать воздействие на экономические процессы планово-социалистического хозяйства. В эпоху «хрущевских реформ» альтернативная экономическая деятельность стала в БАССР фактом жизни, что не могло не вызвать негативной реакции партийно-советских органов в их стремлении «на корню искоренить» обогащение «теневиков». Предпринимаемые меры в виде партийных взысканий, административного наказания, привлечения к уголовной ответственности не выдерживали конкуренции с рационализированным риском «барыг» тайно «наживаться». «Антисоциалистические элементы» осознанно нарушали закон ради получения теневых доходов, позволявших безбедно жить в условиях дефицита продовольствия, товаров и услуг. Эпоха Н. С. Хрущева положила начало переплетению теневого и планово-социалистического секторов экономики, так как такой квази-тандем вплоть до 1991 г. позволял возмещать потребительскую неконкурентоспособность социалистической экономики, недостатками которой ради личной выгоды активно пользовались подпольные советские предприниматели.

Ключевые слова: Хрущевская оттепель, спекуляция, теневая экономика, дефицит, блат, черный рынок, плановая экономика.

Н. С. Хрущев, начав реформирование страны, запустил процесс, который не ограничился рамками контролируемого перехода от жесточайшего командного администрирования сталинского типа к социально-хозяйственным новациям с фиксированным делегированием полномочий. Косметическая модернизация планово-социалистической системы вызвала, явно не ожидаемое реформаторами, появление постсталинской масскультурной детерминанты – «жажды потребления». Один из неспрогнозированных эффектов десталинизации проявился в мощном воздействии либерализации на общественное сознание советских граждан, которые постепенно, ввиду «индивидуализации устремлений» [1, с. 17], начали освобождаться от стоицизма, усиленно насаждаемого во время сталинизма. «Хрущевская оттепель» запустила необратимый процесс трансформации советского общества из социума советских стойков в социум советских потребителей, что демонстрировало протекание сложнейшего процесса «постепенного дистанцирования мировидения советских граждан от социалистических эталонов» [2, с. 484–485].

Плановая экономика, не удовлетворяя заслуженные запросы героического народа, победившего врага в смертельной схватке 1941–1945 гг., подтолкнула отдельных граждан самостоятельно обеспечивать себя и своих домочадцев материальными благами. Фронтовиков и тружеников тыла перестал устраивать мобилизационный тип жизни, при котором «СССР, по сути, был богатой ресурсами страной, населенной нищими людьми» [3, с. 165]. Простых граждан откровенно нервировала ежедневная повседневность, суживавшаяся до стояния в многочасовых изматывающих очередях, лимитированного отпуска товаров в одни руки, вечного «доставания» нужного и необходимого в бытовой обыденности.

В советской действительности 1953–1964 гг. стремление к потребительству путем «проворачивания» различных махинаций сводилось в большей степени к удовлетворению текущих потребительских запросов, но имело место и «сколачивание» с помощью теневых схем подпольного бизнес-капитала. К одной из категорий новоявленных «хрущевских богатых», живших «сытно и праздно», принадлежали руководители общепита. Как правило, дела «проворачивались» заведующим столовой в союзе с «надежным» главбухом. Преимущественно в конце 1950-х гг. основным дивидендом работников общепита было не получение «левых» денежных средств, а систематическое «отоваривание» отличного качества продуктами питания, которых или вообще не было в продаже, или они реализовывались через магазины в крайне ограниченных объемах.

Организации общепита, особенно в районных центрах БАССР, становились также местом ежедневного «столования» практически всех сотрудников, когда количество и наименование продуктов, бесплатно потребляемых и уносимых домой, зависело от занимаемой должности. Нередко в точках общепита «процветала» негативная традиция решения текущих вопросов за «рюмкой водки», когда столы начальствующего состава «ломались» от спиртного и деликатесов. Понесенные расходы за «вечные праздники» руководителей и приближенных к ним лиц, а также бесплатном заимствовании рядовыми сотрудниками своей доли продуктов, покрывались всем коллективом за счет обвеса и обсчета посетителей [4, л. 114–115].

Недопотребление советскими гражданами материальных благ компенсировалось не только хищением продуктов питания или какой-либо продукции, что являлось непреходящим «родимым пятном» советской торговли [5, с. 392], но и тайным получением «живых денег» при реализации не элитной или эксклюзивной, а порой простой группы доступных товаров. Любовь советских граждан к чтению монетизировалась в скрытые доходы сотрудников книжных магазинов Башкниготорга, в которых при символической отпускной цене книги ее двукратное удорожание часто оставалось покупателем незамеченным. Такой нехитрый прием позволял продавцам получать теневой доход за счет массового спроса на книжную продукцию [6, л. 61].

В эпоху «хрущевских реформ» наметилась тенденция размежевания советского социума по социальному статусу, ставшему определяться уровнем материально-финансового благосостояния. Ползучее культивирование мира вещей и денег, шаг за шагом, вело к имущественному расслоению. Оно, в определенной степени, предопределялось самочинным оформлением индивидуально-доходной деятельности как альтернативы коллективистскому способу производства материальных ценностей и их последующего общественного распределения.

Первопроходцами подпольного торгового бизнеса стали реализаторы уфимского вещевого рынка, имевшие профильную специализацию по определенной группе товаров. Размеры получаемого дохода были столько значимы, что старожилы вещевых рынков постоянно

балансируют на грани, если не заплатить свободой, то быть административно наказанными со всеми вытекающими последствиями для советского человека, попавшему на учет органов милиции. Только на вещевом рынке Уфы, работавшем по субботам и воскресеньям, оперативники в ходе рейдов, проводимых в 1955 г., ежемесячно задерживали по 450–470 спекулянтов. Но это была только часть «попавшихся торгашей», из общего числа постоянно «промышлявших» на вещевом рынке [7, л. 167].

Столь внушительная армия желающих получить «легкие деньги» была спонтанным вызовом населения социалистической системе, которая не мотивировала в достаточной степени честно зарабатывать деньги пропорционально обладанию знаниями, умению, навыкам, профессионализму, интеллекту, затраченным усилиям и времени. Барышничество на вещевом рынке позволяло одноразово «срывать денежный куш», равный полугодовой зарплате высококвалифицированного специалиста, имевшего высшее образование.

Среди «спекулянтов» уфимского вещевого рынка были свои «передовики» подпольного бизнеса, которые, исходя из спроса и предложения, выбирали на реализацию товары, приносящие наибольшую прибыль. В осенне-зимний период повышенным спросом пользовались мужская верхняя одежда, мужские головные уборы, валенки для взрослых и детей. Телефонное радио быстро распространяло весть у кого на вещевом рынке постоянно были «в наличии» данные товары. Они приобретались «барыгами» у продавцов в «прикормленных магазинах» или у одиночек-скорняков, поставлявших продукцию малыми партиями рыночным реализаторам [8, л. 167].

Вещевые рынки «эпохи оттепели» стали «рассадниками» распространения профессиональных теневых торговцев, которые по советским законам могли быть объявлены тунеядцами, так как они официально нигде не работали. Вся деятельность «оборотистых» теневых «торгашей», которые негласно руководили штатом «своих сподручных», состоявшем из знакомых, друзей, родственников, эпизодически нанимаемых дополнительных реализаторов, была подчинена одной цели – получению прибыли.

В подпольной «фирме» были четко распределены деловые обязанности в неторговые дни (понедельник – пятница) и в период работы вещевого рынка (суббота – воскресенье). Закупщики формировали заказы для кустарей, устанавливали связи с магазинами Уфы и других городов страны, включая Москву, в которой было лучшее в стране снабжение товарами повседневного спроса. Завлекалы-продавцы, постоянно занимая выгодные места на рынке, продавали товары. Организаторы подобных «тайных» фирм достаточно быстро становились «советскими богатеями», приобретая добротные дома в центральных районах города, мотоциклы, автомобили и другие дорогостоящие товары [9, л. 167].

Меньший, но, тем не менее, существенный «денежный навар» имели рыночные торговцы, в тайных операциях которых участвовали исключительно близкие родственники, жившие «под одной крышей». В семейном кругу быстро улаживались разногласия, почти исключалась утечка конфиденциальной информации о размере истинных заработков, наличии приобретенного движимого и недвижимого имущества, оформленного, в том числе и на подставных лиц, согласовано пресекались попытки чужаков внедриться в семейный бизнес и т.д. Поэтому подпольный торгово-семейный подряд имел свои преимущества, важные для ведения по факту уголовного дела, исходя из реалий советской действительности [10, л. 167].

Теневые торговцы уфимского и других вещевых рынков республики, а также и всей страны, конечно, не являлись массовой группой советского общества. Но их сознательное

отграничение от социалистически-коллективного производства материальных благ и нацеленность на удовлетворение своих личных нужд посредством реализации «жюльнических схем» вызывали серьезную обеспокоенность в правоохранительных структурах республики. Конечно, оперативные работники МВД БАССР не задавались концептуальными социально-политическими вопросами о том, что теневые торговцы вещевых рынков фактом своего материально-процветающего существования подрывали общественный консенсус относительно пагубности «капиталистического» характера индивидуальной деятельности, грубо попирающей и пренебрегающей законными интересами всего народа.

Тем не менее оперативные данные сигнализировали о росте «мрачной статистики» не уменьшающейся вовлеченности отдельных советских граждан в пагубную «спекуляцию», для нейтрализации которой высшие милицейские чины республики осенью 1956 г. разработали план по уничтожению вещевых рынков. Инициатива правоохранителей не нашла поддержки в вышестоящих партийных органах, в которых понимали, что с точки зрения сохранения социально-политической стабильности неразумно лишать население имевшейся «товарной отдушины», позволявшей частично погашать товарно-потребительский голод [11, л. 163].

«Головной болью» для правоохранительных органов были и колхозные рынки республики, на которых «деньги текли рекой» прямо в карманы реализаторов. На рынках «буквально прописались» различного рода лжеколхозники, особенно – приехавшие в Уфу из других регионов страны. Отсутствие должного уровня средств связи не позволяло милиции оперативно осуществлять проверку подлинности статуса продавца, являвшегося по бумагам колхозником. Как правило, приезжие «продавцы-колхозники», месяцами проживая в лучшей гостинице Уфы и ведя «бурный образ жизни», предъявляли установленному образцу справку, выданную в каком-либо далеком селении, располагавшемся в труднодоступной горной местности [12, л. 24]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. колхозные рынки активно использовались местными кооператорами, осуществлявшими в значительных масштабах неучтенные товарно-финансовые операции [13, л. 96].

Замаскированная коммерческая деятельность в интересах личного обогащения возникла и в различного рода организациях, в которых законом разрешалось массово оперировать наличностью в текущей хозяйственно-производственной деятельности. Отдельные руководители закупочных организаций, став фактически тайными предприниматели, внедряли доходно-деловые практики обогащения, базировавшиеся на эксплуатации вульгаризированной идеи некой социально-коллективной взаимответственности членов трудового коллектива или, иначе говоря, круговой поруки клана, «повязанного» общим подпольным бизнес-делом.

Вычурное оперирование к коллективизму как выражению тайного бизнес-братства было маскировкой руководителя, раздавшего «хлебные должности» проверенным людям, отдававших благодетелю процент с нелегальных сделок. Именно такой принцип подбора кадров и ведения «темных дел» реализовывался в республиканской конторе по заготовке и обработке вторичного сырья. Фактически это была тайная рыночная структура, в которой локально замораживался социализм и утверждался капитализм в отдельно взятой вотчине ради достижения общей цели – наживы за счет благополучно складывающейся текущей конъюнктуры [14, л. 32–34].

Формирование в 1950-х – начале 1960-х гг. социума «хрущевских богатых» из-за серьезных изменений «в потребительских предпочтениях советских граждан» [15, с. 170] вызвало в советском обществе не только рост экономического неравенства, но и явилось очевидной демонстрацией укоренявшейся приверженности подпольных теневиков к обладанию материальными

благами, превышающими стандартизировано-квотируемые потребности планово-дефицитной экономики. Негласный отказ от скудного быта и скромных материальных благ означал слом сложившихся общественных рамок, то есть негласным проявлением хозяйственной свободы с явно криминальным оттенком. «Хрущевские богатые», используя ресурсы плановой экономики, преимущественно не создавали прибавочного продукта, а стремились обогатиться за счет общества ради удовлетворения своих личных потребностей.

Теневики эпохи «хрущевской оттепели» хотя и имели разную социальную иерархию, но условно их можно отнести к зажиточным слоям, материально возвышавшимся над большей частью советского общества. Подпольные предприниматели 1950-х – начала 1960-х гг. не могут претендовать на роль преобразующей силы. Они, за исключением небольшого отряда специалистов из сферы услуг, здравоохранения, образования и т.д., занимавшихся частной трудовой деятельностью на устно-договорных началах, являлись силой, утверждавшей практику тайного получения «негативной прибыли» ввиду своего личного недопотребления желаемых материальных благ.

Важно отметить, что подпольное предпринимательство того периода времени нет оснований интерпретировать некой борьбой с системой за обретение подлинной хозяйственной свободы, открытого бизнес-самовыражения, реализации потенциала, на корню нейтрализуемых социалистическим мироустройством. Подводя итог, можно сказать, что среди теневого элемента БАССР эпохи «хрущевской оттепели» в большей степени проявлялась приверженность к индивидуальному обогащению утилитарного типа, скрыто используя государственные ресурсы, что позволяло тщеславно выделиться в социуме, организовывать материально-бытовую жизнь в пику общественной социалистической морали и устоям бестоварного общества.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №220661).

Литература

1. Столетова А. С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки.* **2021.** №2(21). С. 17–21.
2. Столетова А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950–1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) // *Научный диалог.* **2021.** №10. С. 481–498.
3. Мамяченков В. Н. Борьба органов правопорядка с «антиобщественными, паразитическими элементами» в начале 1950-х годов (на материалах Свердловской области) // *Научный диалог.* **2016.** №8(56). С. 157–170.
4. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 32. Д. **2178.**
5. Мамяченков В. Н., Куликова Е. С. Розничная торговля Свердловской области в 1951–1958 годах // *Научный диалог.* **2020.** №2. С. 384–402.
6. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. **2178.**
7. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204.
8. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204.
9. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204.
10. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204.
11. НА РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 204.
12. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. **1959.**
13. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. **2178.**
14. НА РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 891.
15. Твердюкова Е. Д. Продажа товаров в рассрочку как вид потребительского кредитования в СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.) // *Российская история.* **2017.** №1. С. 168–180.

Поступила в редакцию 13.12.2022 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2022.6.10

Shadow incomes of the “underground rich” in the BASSR during the period of Khrushchev’s reforms

© R. A. Khaziev^{1*}, M. A. Khazieva²

¹*Ufa University of Science and Technologies
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

²*Bashkir Institute of Physical Culture
67 Kommunisticheskaya Street, 450077 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Email: khazievra@mail.ru

The authors of the article, in the context of one of the leading economic regions of the country – the BASSR, examines the manifestations of shadow profit, which began to spread under the conditions of Khrushchev’s de-Stalinization of the socialist state. The approval of the “second economy” during the “Khrushchev thaw” allows us to state that in the mid-1950s mechanisms were laid down that began to influence, if not to determine, the economic processes of the planned socialist economy. In the era of “Khrushchev’s reforms”, alternative economic activity became a fact of life in the BASSR, which could not but cause a negative reaction from the party and Soviet bodies in their desire to “root out” the enrichment of “shadow workers”. The measures taken in the form of party penalties, administrative punishment and criminal prosecution could not compete with the rationalized risk of “hucksters” secretly “profiting”. “Anti-socialist elements” consciously violated the law for the sake of obtaining shadow incomes, which made it possible to live comfortably in conditions of shortage of food, consumer goods and services. Epoch of N. S. Khrushchev laid the foundation for the interweaving of the shadow and planned socialist sectors of the economy, since such a quasi-tandem, until 1991, made it possible to compensate for the consumer uncompetitiveness of the socialist economy, the shortcomings of which were actively used by underground Soviet entrepreneurs for personal gain.

Keywords: Khrushchev thaw, speculation, shadow economy, deficit, cronyism, black market, planned economy.

Acknowledgments. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 220661).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Khaziev R. A., Khazieva M. A. Shadow incomes of the “underground rich” in the BASSR during the period of Khrushchev’s reforms // *Liberal Arts in Russia*. 2022. Vol. 11. No. 6. Pp. 491–497.

References

1. Stoletova A. S. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 2021. No. 2(21). Pp. 17–21.
2. Stoletova A. S. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 10. Pp. 481–498.
3. Mamyachenkov V. N. *Nauchnyi dialog*. 2016. No. 8(56). Pp. 157–170.
4. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NA RB). F. 122. Op. 32. D. 2178.
5. Mamyachenkov V. N., Kulikova E. S. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 2. Pp. 384–402.

6. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
7. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 204.
8. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 204.
9. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 204.
10. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 204.
11. NA RB. F. 122. Op. 33. D. 204.
12. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 1959.
13. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 2178.
14. NA RB. F. 122. Op. 32. D. 891.
15. Tverdyukova E. D. *Rossiiskaya istoriya*. **2017**. No. 1. Pp. 168–180.

Received 13.12.2022.